

379.414.65(С146)

М-34

ИЗ КНИГ
Б.Н.Григорова

**Материалы по охране, ремонту
и реставрации памятников
ТССР**

III

**КАЗАНЬ
1929**

379.412.65(С146)
М-34

702

М34

Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства,
старины и природы при Академическом Центре Татнаркомпроса

третий выпуск

МАТЕРИАЛЫ ПО ОХРАНЕ, РЕМОНТУ
И РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ТССР

Казань
1929

07 АВГ 2009

ПРОВЕРКА

БИБЛИОТЕКА
Н.М.
Инв. № 1712

2

Напечатано согласно постановления Музейного Отдела ТССР
Ученый секретарь П. Корнилов.

Главлит № 2381

Наряд № 3236

Тираж 500 экз.

Полиграфшкола имени А. В. Луначарского. Казань, ул. Дзержинского, 9.

и

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	IV
П. Е. Корнилов. К изучению эпиграфического резного камня болгаро-татарской эпохи	1
Н. И. Воробьев. О болгаро-татарских надгробных камнях Мамадышского кантона	11
Али Рахим. О двух татарских надгробных памятниках 17-го века	14
П. М. Дульский. Несколько слов по поводу орнаментики татарских памятников XVI—XVII в.в.	22
А. С. Башкиров. Экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры летом 1928 г.	27
И. Н. Бороздин. Археологические разведки в Кремле 1. Разведка близ Киприановской церкви	37
А. В. Васильев. Последние находки восточных монет в Болгарах	41
В. В. Егерев. Графическая регистрация казанских памятников зодчества в первой половине XIX века	46
П. Е. Корнилов. Заметки по памятникам ТССР	53

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИЛОЖЕННЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ:

- Перед титулом. Надгробный памятник. (Фот. Н. П. Засыпкина).
- Табл. I—II. " " "
- „ III. Орнаментика памятников. "
- „ IV. Раскопки в Билярске. (Фот. П. Е. Корнилова).
- „ V. " в Кремле. (Фот. Ф. С. Осиповой и П. Е. Корнилова).
- „ VI. Памятники ТССР. (Фот. П. Е. Корнилова).

Содержание настоящего третьего выпуска «Материалов» Отдел по делам музеев и охраны памятников при Академическом Центре ТНKP посвящает, по примеру первого выпуска, почти целиком болгаро-татарским памятникам, заостряя свое внимание главным образом на двух моментах: 1) изучении резного эпиграфического камня, как единственного носителя древних орнаментальных начал болгаро-татарской эпохи, и 2) первоначальных результатах начатых археологических разведок на территории ТССР.

Первому вопросу посвящены статьи: П. Е. Корнилова, где автор разбирает принципиально-методическую сторону намеченных и уже начатых работ по изучению резного камня; Н. И. Воробьев—в своей заметке дает фактический материал о камнях в Мамадышском кантоне, встреченных им во время этнографических поездок; Али Рахим—публикует эпиграфические надписи двух редких для ТССР памятников 17-го века, ранее приведенных, но неполностью, Вельяминовым-Зерновым по записям историка Марджани; автор снабжает свою публикацию детальными фотографиями 1928 года. П. М. Дульский—дает этюд из области изучения орнаментики этих камней; такой же опыт представляет и небольшая заметка П. Е. Корнилова «К орнаментике резного камня болгаро-татарской эпохи».

Второму вопросу посвящены краткие отчеты А. С. Башкирова и И. Н. Бороздина—участников и руководителей археологических разведок в ТССР в 1928 году.

А. В. Васильев—дает разбор монетных находок в Болгарах, поступивших в Музейный Фонд Отдела и переданных в Центральный Музей.

В. В. Егерев знакомит с любопытнейшим фактом изучения и регистрации памятников зодчества Казани в первой половине XIX в., давая здесь крайне интересную справку, почерпнутую им во время изучения местных архивов. П. Е. Корнилов в заключительной статье—«Заметки по памятникам ТССР» дает краткую сводку о работе Отдела за прошедший год и попутно кратко знакомит с теми материалами, которые у него накопились в процессе работ по охране памятников ТССР.

Отдел за истекший год понес тяжелую утрату в своем личном составе: безвременно сошел в могилу научный работник по охране памятников природы Юрий Григорьевич Клячкин.

Редакция

К ИЗУЧЕНИЮ ЭПИГРАФИЧЕСКОГО РЕЗНОГО КАМНЯ БОЛГАРО-ТАТАРСКОЙ ЭПОХИ.

П. Е. Корнилов.

Территория ТССР богата памятниками болгаро-татарской эпохи: в Спасском кантоне высятся остатки монументального зодчества—Болгары; в других кантонах сохранились следы поселений и проч., и, почти всюду, находятся т. н. эпиграфические надгробные памятники. Последние всегда привлекали внимание ученых, но никогда не служили им объектами систематического и полного изучения.

В 1722 году Петр I, посетивший болгарские памятники, приказал казанскому губернатору кн. А. П. Салтыкову принять меры к охране развалин и скопировать надписи с пятидесяти эпиграфических памятников, имевшихся тогда на месте. Впоследствии переводы этих надписей были выполнены и послужили для опубликования путешественнику И. Лепехину, а в 1805 г. востоковеду Ю. Клапроту, который получил копию надписей петровского времени через Я. Потоцкого. Неточность переводов заставила нашего ориенталиста И. Н. Березина переиздать их в „Ученых Записках Казанского Университета“ за 1852 г., но, как мы видим, и это опубликование оказалось далеко не непогрешимым, и покойному Н. Ф. Катанову пришлось приступить к некоторым исправлениям и им дан такой опыт в его статье в „Казанском Музейном Вестнике“¹.

В 1922 г. к этому же вопросу о сборнике болгарских надписей вернулся С. И. Порфирьев², указавший на научное значение в этой области рукописей, которые хранятся в Московском Архиве Министерства иностранных дел, среди прочих материалов XVIII в. о болгарских памятниках.

В 1922 г. об армянских надписях в Болгарах и Казани напечатан краткий отчет Б. В. Миллера, командированного для изучения их в Казани Гос. Академией Истории Материальной Культуры (представлен в 1919 г.)³.

Об армянских эпиграфических памятниках, вновь обнаруженных на территории ТССР, были заметки в „Записках Тетюшского Музея“⁴.

В пятой книге „Известий Общества Обследования и Изучения Азербайджана“ (г. Баку, 1928 г.) проф. А. И. Ашмариным дан этюд о болгарских надписях около села Тукмакла, Чистопольского кантона, записанных автором еще в 1910 году⁵.

В последней, восьмой книге „Вестника Научного Общества Татароведения“ также имеются заметки о надгробных памятниках⁶.

В летних работах по ТССР 1928 года изучение эпиграфических памятников также имело место среди прочих задач археолого-искусствоведческого порядка.

До сих пор это изучение протекало исключительно по линии лингвистики, только на этом задерживали внимание все ученые, начиная от Лепехина, Клапрота, Френа, Эрдмана до Катанова, Ашмарина и других. Профессор А. И. Ашмарин в последнем опубликовании лишь мельком указывает на встреченную им, помимо надписи, орнаментику⁷; а Л. М. Тамбовцев останавливается на подробном описании самой формы обнаруженного надгробия с армянской надписью⁸.

Изучение надгробных памятников, как памятников материальной культуры, не имело места до сих пор, но нам хорошо известно из личных наблюдений, что последние являются единственными носителями древней орнаментики, совершенно забытой к нашим дням в других видах изобразительного искусства; в форме самих памятников мы можем кое-что почерпнуть для понимания архитектурных деталей прошлого; полустертые тамги хранят в своей строгой графической форме—бытовую геральдику; изучение технических приемов обработки камня—могут расширить наши скудные знания о технике и инструментах древнего резчика; наконец, изучение самого материала памятника может дать нам наводящие данные о местах выработки строительного камня, что в настоящее время еще гадательно. Изучение надписей—дает материалы лингвистического и историко-бытового характера.

Вопрос о необходимости изучения резного камня болгаро-татарской эпохи неоспорим и серьезное начало этому уже

положено работами 1928 года, но следует в них внести строгую систематичность и плановость, во избежание параллелизма и „переоткрытия“. Настоящими строками попытаемся дать принципиальные соображения по этому вопросу, которые разделяет Музейный Отдел ТНКП и намечает к проведению с летнего сезона 1929 года, ибо те работы, которые проводились в 1928 г., носили опытный и эпизодический характер и послужили лишь наметкой к предстоящим работам.

I. Местонахождение эпиграфических памятников. Надгробные памятники, отмеченные при посещении Болгар Петром I (1722 г.), не дошли до нас полностью: они послужили строительным материалом при постройке приходской церкви в с. Болгарах⁹ и некоторых частных домовладений там; часть их во фрагментах хранится в „Черной Палате“; несколько надгробий имеется в Университете, Центральном Музее ТССР, в кантонных Музеях в г. Чистополе и Тетюшах, но большое количество их еще уцелело по сельским местностям ТССР, будучи сконцентрированным на мазарах или в единичном количестве, разбросанном повсюду¹⁰. Такая разбросанность их не допускает надежной охраны. Одиночным памятникам угрожает увозка, разбивка, как строительного материала, запашка в поле, порча надписей и проч. В видах охраны и изучения их необходимо первоначально озаботиться собиранием сведений о точном местонахождении камней. В основу должны лечь литературные сведения, рукописные данные и опрос населения (путем запросов по краеведным ячейкам, культурным работникам, селькорам и проч., но не следует их пугать громоздкостью анкетных вопросов и облегчить почтовые расходы по пересылке).

II. Охрана надгробных памятников, расположенных на территории ТССР, осуществляется Музейным Отделом Акадцентра ТНКП. Вопрос с охраной отдельных надгробий очень сложен и нов в нашем быту. Одними законоположениями и циркулярами охрану осуществить нельзя, как показала нам практика. Требуется разрешение вопроса каждый раз в индивидуальном порядке, точно согласовав с своими реальными возможностями. Нельзя все заповедать и охранять в наших условиях. Практика показывает, что форма охраны может быть окончательно

вырешена при осмотре самих объектов охраны. Нам кажется, что непременным условием при решении вопроса об охране надгробного памятника решающее значение будет иметь качество объекта (не взирая, подчас, на сохранность). Уникальные, в смысле лингвистическом, историко-бытовом, художественном и проч., подлежат обязательной переброске в центральное хранилище ТССР; памятники второй группы—удовлетворительной сохранности и научной значимости следует обеспечить надежной охраной на местах их группового расположения на древних мазарах, в черте селений и проч., с каковой целью необходимо будет войти в соглашение со школьными и другими местными работниками, при обязательной оплате труда за охрану. Памятники третьей группы—очень плохой сохранности и малой научной значимости (со стертыми надписями, фрагментарно сохранившиеся и проч.), после необходимой регистрации и изучения, могут оставаться на прежнем месте и постоянной охране не подлежат, но беглый надзор может быть поручен сельсовету ближайшей деревни и т. д. При разборе этих трех групп памятников мы имеем в виду не единичные памятники, а их группы. В отношении одиночных памятников (2 и 3 группы) следует ввести правило: перевозить их с места нахождения в места постоянной охраны и сосредоточения последних.

При накоплении материала в таких местах, невольно возникнет мысль о создании лапидариев, тип и форма коих опять-таки вырешится в дальнейшем. Необходимо будет после учета и регистрации надгробных памятников провести в ТЦИК'е соответствующее постановление, регулирующее вопрос охраны их на всей территории ТССР.

III. Изучение эпиграфических памятников не должно протекать без плана, как мы уже указали выше. Это ведет к параллелизму, к открытию уже открытого, путанице и проч. Для планомерного и централизованного изучения необходимо при Музейном Отделе ТНКП создать особую комиссию по изучению эпиграфических памятников, она должна состоять из лиц, работающих в этой области; для осуществления намеченных комиссией подготовительных работ пользуются аппаратом Отдела. Работа субсидируется Отделом, с привлечением ассигнований заинтересованных организаций ТССР.

4. Присланная краткая выписка с плана указывает следующее: «Составлен Комиссией проектов и смет по журналу 19 Декабря 1834 г. и по записях (?) тогож числа № 1576. Генерал лейтенант Дмитриевский, старший Архитектор А. Мельников (?), Надворный Советник Г. Шарлеман (?), Майор Богданович 2-ой, Архитектор—(подпись неразборчива)». Внизу надпись: «Переделывал Архитекторский помощник Василий Морган 18^{XI}/₁₆34 ». За это сообщение приношу благодарность Заведующему Чистопольским Музеем А. К. Буличу, а за фото В. Д. Авдееву.

III. РАБОТА ОТДЕЛА В 1928 ГОДУ.

По независящим от Отдела причинам в 1928 году не удалось развернуть работу по ремонту кремлевских стен (в местах обвала облицовок) и проч. восстановительных работ в том масштабе, который намечался планом, но все же небольшие работы по поддержанию памятников ТССР были осуществлены.

Спасская башня, освобожденная от часовни и позднейших доделок в сезон 1927 года, была летом 1928 года выбелена за два раза. Расчистки слоев красок не дали желаемых результатов, а допустимая окраска для этой эпохи в два тона, красный и белый, не могла быть осуществленной по техническим соображениям, и тогда невольно было принято решение окрасить башню в белый колер. Последнее было поддержано и Центральными Государственными Реставрационными Мастерскими и Разрядом зодчества ГАИМК. Окрашенная в этот тон башня приобрела удивительную легкость и стройность на фоне белых стен Кремля и неба. Крайне дождливое лето 1928 г. не дало возможности окрепнуть побелке, и поэтому местами, особенно по сторонам шатра, просвечивает прежняя оранжево-розовая краска.

Не была закончена целиком разборка позднейших приделок к галлерее ц. Алексия (нач. XVIII в.) в Зиланте, но все деревянные части были удалены.

Весною пришлось в срочном порядке произвести восстановление надгробной усыпальницы академика А. М. Бутлерова, в деревне Бутлеровке, Чистопольского кантона. Эти работы были рассчитаны так, чтобы их закончить к началу июня месяца, когда в Казани должен был открыться Менделеевский съезд химиков, созданный в 100-летнюю годовщину академика Бутлерова. Работа здесь была несложная—необходимо было восстановить нарушенные детали на фасаде, укрепить дверные и оконные проемы, покрыть железной кровлей с окраской на четыре ската и выбелить внутреннюю часть усыпальницы. При непрерывной дождливой погоде эти—крайне простые работы продолжались свыше двух

недель. Восстановленный памятник был по акту передан под охрану объединенного сельсовета Бутлеровки и Арбузова. За этими работами пришлось наблюдать пишущему эти строки, с каковой целью дважды выезжать на место. Восстановительные работы зафиксированы фото-снимками.

Другие незначительные ремонтные работы вызывались насущной необходимостью и носили такой простой характер, что о них нет необходимости и говорить здесь.

Кроме этих работ Отделу пришлось принять участие в археологических разведках на территории ТССР, предпринятых Акадцентром ТНКП и Институтом Народов Востока в Москве, при участии проф. А. С. Башкирова и И. Н. Бороздина. Основное внимание было отдано разведкам и шурфовке в Билярске, Чистопольского кантона, затем беглая разведка была произведена близ Чистополя, на Джуке-Тау. Здесь кроме бытовых археологических находок были обнаружены в валу Билярска остатки сооружения неизвестного назначения, разрытого лишь фрагментарно.

Разведки в Кремле в Казани дали менее яркие результаты; были произведены разведки в урочище Старой Казани и близ него. Ценнейшие материалы бытовой археологии находятся в процессе изучения, и надо думать, что будет осуществлена в ближайшее время подробная публикация о разведках, а пока участниками работ проф. А. С. Башкировым и И. Н. Бороздиным¹ даются в «Материалы» настоящего выпуска абрисы этих работ по двум разделам: Билярску и Казанскому Кремлю. Эти эскизные наброски вводят читателя в ту археологическую ситуацию, которая впервые предстала перед глазами как местных краеведов, так и иногородних ученых, обративших свой взор к Волжско-Камскому краю, богатому историческим прошлым.

По делам охраны памятников пишущий эти строки совершил кратковременные поездки в Болгары для ежегодного инспекторского осмотра и в Тетюши для осмотра Музея и фиксации надгробного памятника с древне-армянской надписью вывезенного из с. Красной Поляны². Там же была осмотрена усадьба Людоговка (быв. владение помещиков Сазоновых), в двух километрах от Тетюш, ныне находящаяся в пользовании Племхоза. К детальному описанию этой усадьбы мы намерены вернуться позднее, поэтому здесь ограничимся лишь констатированием, что ис-

пользование этой усадьбы производится недостаточно полно и внимательно. Прекрасный парк—превращен в пастбище, а излишняя часть комнат дома обращена в склад мочала, зерна и проч. Надо расширить эксплуатационную сторону и приблизиться к более рациональному использованию не в ущерб хозяйственной стороне и вверенного владения. (См. рис. 2).

Посещение быв. Семиозерной пустыни было вызвано предполагаемыми ремонтно-восстановительными работами там, но которые не были осуществлены в виду ликвидации монастырской общины. Посещение Раифы—дало возможность яснее представить состояние и разрушение этого любопытного загородного памятника с целым ансамблем храмовых, гражданских и крепостных сооружений. Приходится поставить на очередь поддержание этого интереснейшего архитектурного сооружения, особенно после ликвидации монастырской общины и установления там Раифского Заповедника. Подобные поездки по ТССР детально знакомят с памятниками, степенью их сохранности и возможной охраной и поддержанием последних.

Из других работ Отдела следует отметить продолжение фото-фиксации памятников, уточнение списка памятников ТССР, углубление изучения некоторых из них ³, а также устройство выставки архитектурных работ казанского зодчего М. П. Коринфского (1788—1851), довольно подробно ознакомившей с интересным творчеством этого незаурядного зодчего ⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. См. об этом «Новый Восток», № 23—24 и 25.

2. «Записки Тетюшского Музея». Казань. 1927. I, стр. 14—16.

3. См. В. В. Егерев «Архитектурные впадины на болгарских памятниках зодчества»—«Известия О-ва Археологии, Истории и Этнографии», т. XXXIV, вып. 1—2, стр. 126—131.

4. «Архитектор Михаил Петрович Коринфский. 1788—1851». Казань. 1928. Отдел по делам Музеев и охраны памятников ТССР. 16⁰, стр. 41+I нен. 400 экз.

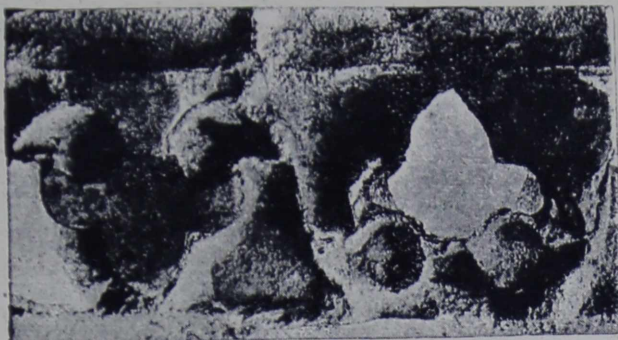
3

4

1

2

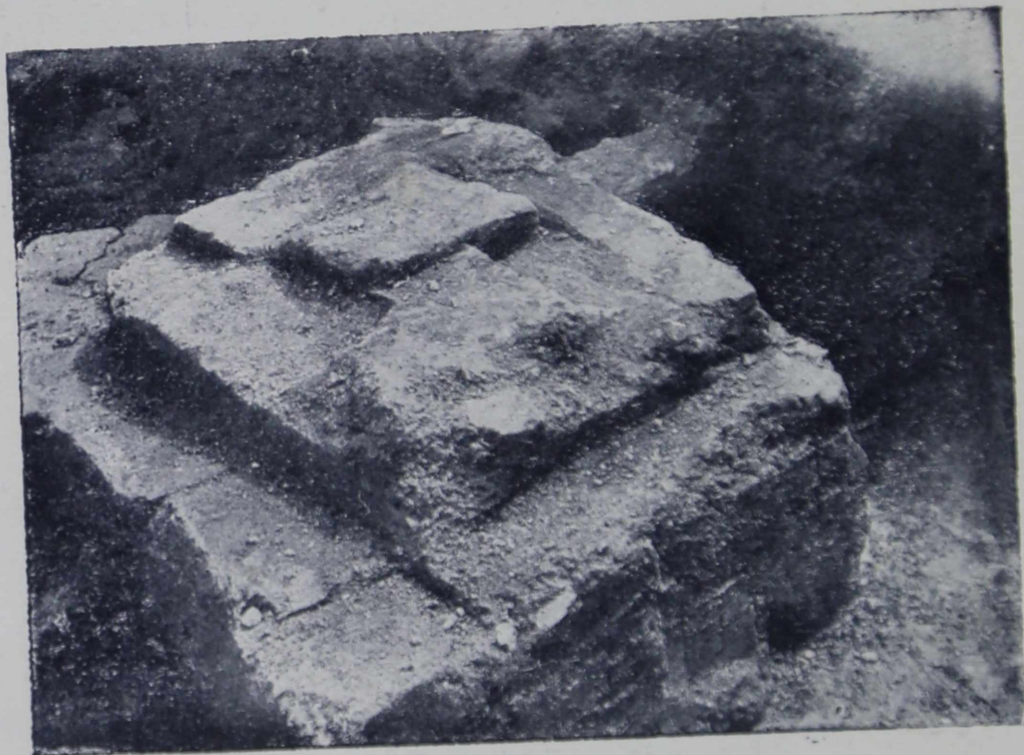
3

4

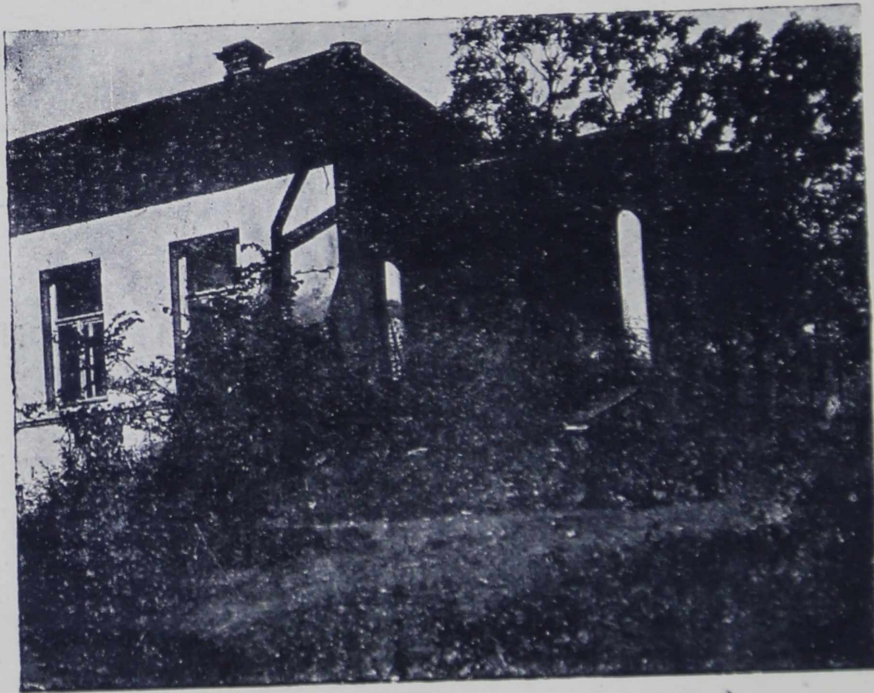
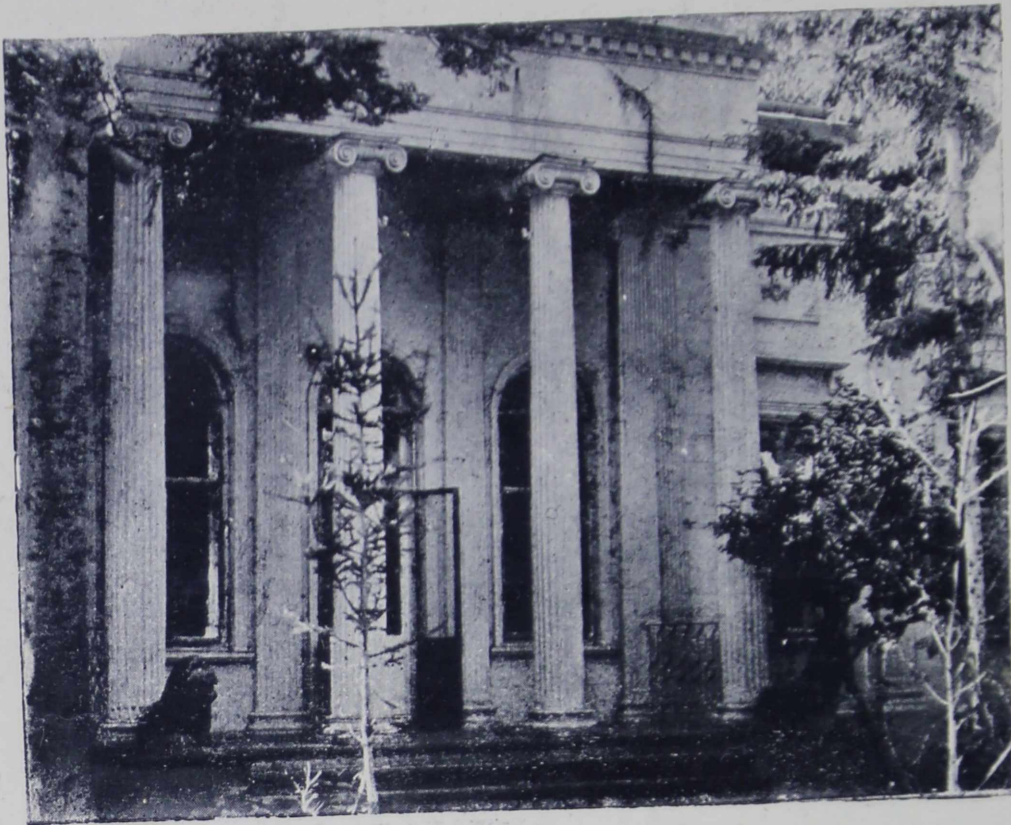
1

2

К ст. П. Е. Корнилова.

12
~~Ц. 1 р. 20 к.~~

МОИ
изд. № 14

ИЗДАНИЯ ОТДЕЛА:

1. Освещение и правила осмотра галеры „Тверь“. К. 300 экз.
2. Н. И. Лобачевский в Казани. Памятка к 100-летию со дня открытия им неевклидовой геометрии. 1326—1926. К. 1926 г., 16°, стр. 29+3 нен.+4 иллюстрации. 350 экз.
3. В. В. Егерев. Внутреннее архитектурное убранство зданий г. Казани. К. 1927 г., 16°, стр. 23+1 нен.+6 иллюстраций. 500 экз.
4. П. Е. Корнилов. Памятник волжского судоходства—галера „Тверь“ XVIII в. К. 1927 г., 16°, стр. 31+1 нен. (с иллюстрациями). 500 экз.
5. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Первый выпуск. Казань. 1927 г., 8°, стр. 54. 2 таблицы с 8 рисунками+2 нен. 500 экз.
6. П. Е. Корнилов. Охрана памятников ТССР (1917—1927 г.г.). К. 1928 г., 8°, стр. 14+2 таб. илл. 200 экз.
7. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Второй выпуск. К. 1928 г., 8°, стр. 83+3 таблицы с 23 рисунками+2 нен. 500 экз.
8. Архитектор Михаил Петрович Коринфский. 1783—1851. К. 1928 г., 16°, стр. 41+1 н. н. + 1 таб. + портрет. 400 экз.
9. Открытое письмо—„Башня Сююмбеки в Казани“. (Оригинальная ксилография П. А. Шиллинговского). 1928 г. 500 экз.

Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы при Академическом Центре Татаркомпроса. Казань. Площадь 1-го мая, д. № 2/3, кв. 25.
